

4. Лопатин, Г. И. Фольклорно-этнографический репертуар личности: Варвара Александровна Грецкая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vetka-museum.by>. – Дата доступа: 15.10.2015.
5. Зямля чароўная дабра: Добрушскі край: гісторыя і сучаснасць / пад аг. рэд. А. А. Станкевіч. – Гомель: ААГ «Полеспечать», 2008. – 280 с.
6. Яковлева, О. В. Обрядовый дискурс у системі національної лінгвоментальності / О. В. Яковлева. – Одеса: “Одеський національний університет імені І. І. Мечникова”, 2014. – 396 с.
7. Весільні пісні: у 2 кн. / упор. М. М. Шубравська. – К.: Наукова думка, 1982. – Кн. 1: Полісся, Наддніпрянина, Слобожанщина, Степова Україна. – 1982. – 872 с.

Хазанова К. Л., канд. філол. наук, доцент
Гомельск. держ. ун-т, Гомель, Білорусь

ПОВТОР У БІЛОРУСЬКИХ ТА УКРАЇНСЬКИХ ОБРЯДОВИХ ПІСНЯХ

У статті досліджується повтор в структурі білоруських і українських народних пісень. Повтори складають основу зв'язності і цілісності композиції фольклорних поетичних текстів і мають збільшувально-видільну і експресивно-емоційну функції.

Ключові слова: повтор, фольклор, редуплікація, структура, композиція, текст, емоційність, виразність.

Khazanava K., PhD, docent
Gomel state university named F. Skorina, Gomel

REPEAT IN THE BYELORUSSIAN AND UKRAINIAN RITUAL SONGS

The article investigates the repeat in the structure of Byelorussian and Ukrainian folk songs. The repetitions are the basis of the coherence and integrity of the composition of folk poetic texts and have magnifying-eliminative and expressive and emotional functions.

Keywords: repeat, folklore, reduplication, structure, composition, text, emotion, expression.

УДК 82-32

Богданова О.В., доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Институт филологических исследований (ИФИ) СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

СОВРЕМЕННЫЙ ОБЛОМОВ? РАССКАЗ ВЯЧ. ПЬЕЦУХА «ЖИЗНЬ НЕГОДЯЯ»

В статье анализируется образ главного героя рассказа Вяч. Пьецуха «Жизнь негодяя» и устанавливаются интертекстуальные связи с произведениями русской классической литературы, в частности с романом И. А. Гончарова «Обломов». Выявляя

© Богданова О.В., 2016

основную направленность идеи рассказа, устанавливая точки соприкосновения образа главного героя с персонажами русской классики, подчеркивая особенности гоголевского письма прозаика, автор статьи обнаруживает стремление современного писателя литературно идентифицировать тип асоциального и пассивного героя (личности) второй половины XX века и вписать образ «негероя» в традицию художественных типов от Л. Толстого до Бунина.

Ключевые слова: современная русская литература, иронический авангард, Вяч. Пьецух, короткий рассказ.

Героем рассказа Вяч. Пьецуха «Жизнь негодяя» (1989) становится Аркадий Белобородов, «жизненные координаты» которого обозначены следующим образом: «проживал в Москве, поблизости от Преображенской площади, на улице Матросская тишина» [1: 4], «родился в 1954 году, когда от нас ушел Садриддин Айни, когда вся страна отмечала трехсотлетие воссоединения Украины с Россией и 125-ю годовщину гибели Грибоедова, когда только что появилась кинокомедия “Верные друзья”, вступила в строй первая атомная электростанция, открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, началось освоение целинных и залежных земель, когда во главе ВЦСПС стоял Шверник, никого не удивляли такие газетные заголовки, как “Против застоя в научной работе”, а литературная критика была подведомственна Министерству юстиции» [1: 4–5].

Место и время появления (рождения и существования) героя обозначены автором иронически тонко и вместе с тем исторически точно. Герой — не провинциал, а москвич, типическая («центрально-государственная») составляющая биографии персонажа задается изначально. Адрес проживания — улица Матросская тишина (ставшая особенно известной после событий государственного «путча») — служит авторским намеком на близость КПЗ-тюремного ареала, по-своему «типических» обстоятельств, в которых пребывает «типический» герой советской эпохи. Близость Преображенской площади — не только топографическая точка, но и намек на условия социального взрвания героя. Характероформирующие составляющие образа-типа и границы его жизненного социума очерчены знаково и знаменательно. Писателем создается портрет «вечного» негодяя, но сформированного конкретной эпохой советских 50-х, годами ослабевающего тоталитаризма и начинающейся «оттепели».

Установка на типичность героя — осознанная задача автора. Пьецуху свойственно выводить типы («категории», «явления», «семейства»), а не создавать динамические характеры. Неслучайно «Жизнь негодяя» начинается с пассажа о «негодяях как таковых» [1: 4]: «Негодяй негодяю рознь. <...> Бывают негодяя мысли, негодяя побуждения, негодяя дела, негодяя образа жизни, те, которые сами себе враги, нечаянные негодяи, негодяи из идейных соображений, наконец, есть еще работники метеорологической службы, которые, если вдуматься, тоже порядочные негодяи; но самая вредная негодяйская категория, стоящая даже несколько в стороне, это, так сказать, вечные негодяи, которые неизвестно откуда берутся и поэтому вряд ли когда-нибудь будут истреблены» [1: 4]. Именно к ним и относит автор своего героя.

Уже в самом начале рассказа автор сознательно подчеркивает «обыкновенность» (компонент «вечности») героя: в детстве он был «обыкновенный ребенок», в юности — «обыкновенный юноша» [1: 5]. Далее («в первой молодости») нарратор диагностирует

«значальные негодийские признаки» героя, которые проявляются в том, что «Аркаша целые часы пролеживал на диване, ковыряя мизинцем в носу, и заинтересованно разглядывал потолок» [1: 5]. Лежание на диване, несомненно, позволяет приобщить Аркашу к «вечности», а именно к вечному типу русской классической литературы, к обозначающей параллели с Обломовым, для которого «лежание не было ни необходимостью, как у большого или как у человека, который хочет спать, ни случайностью, как у того, кто устал, ни наслаждением, как у лентяя: это было его нормальным состоянием» [2: 11].

По поводу лежания своего героя на диване Пьецух замечает: «Наблюдая его в такие часы, можно было предположить, что его одолевают либо серьезные мысли, либо лирические воспоминания, но в действительности его одолевало совсем другое, а именно тупое, но чрезвычайно приятное состояние неги» [1: 5]. Последнее слово-сигнал уже само по себе интертекстуально и снова отсылает к Гончарову: к «голубиной нежности» Обломова, к чертам, «казалось, слишком изнеженным для мужчины» [2: 10]. Очевидно, что в «биографических пунктах» [1: 5] Пьецух намеренно ориентируется на «вечный образ» Обломова, едва ли не в тех же деталях, чуть ли не теми же словами обозначая этапы формирования характера своего героя.

Так, когда герою было 22 года (у Гончарова — «тогда еще он был молод» [2: 41]), Аркадий «учился в кооперативном техникуме, потом бросил техникум и поступил подсобным рабочим на электроламповый завод, но, проработав только один квартал, начал потихоньку отлынивать...» [1: 5], т.е., подобно Обломову, герой Пьецуха «прекратил всякую полезную деятельность» [1: 5]. Ср. у Гончарова: Обломову было предписано «воздержание <...> от всякой деятельности» [2: 43].

Как и воображению Обломова, на короткий срок воображению Аркаши «мелькало и улыбалось семейное счастье» [2: 41], по Пьецуху, — «приглянулась семейная жизнь» [1: 6]. Аркаша женился («Женился он просто так, что называется от нечего делать»), у него родился сын, он даже устроился сторожем на Преображенский рынок (элемент современности в вечности: еще раз указание на конкретное «оттепелное» время — «поколение сторожей и дворников»), но вскоре, как и у Гончарова, «все закончилось опять же диваном» [1: 6].

Наконец, даже детали «предметного мира» Аркаши могут быть соотнесены с их «двойниками» в мире Обломова: «полумрак» (ср. «Обломов»: «шторы спущены»), «паутина под потолком» (ср. «Обломов»: «по стенам, около картин, лепилась в виде фестонов паутина»), «посережившее полукошко», «грязные чашки на столе, засалившиеся до такой степени, что на них можно было расписываться спичкой или ногтем» (ср. «Обломов»: «зеркала, вместо того, чтоб отражать предметы, могли служить скорее скрижалями, для записывания на них, по пыли, каких-нибудь заметок на память») и «на столе редкое утро не стояла не убранная со вчерашнего ужина тарелка с солонкой и с обглоданной косточкой да не валялись хлебные крошки»), «безобразно замусоренный пол», даже «газета» на полу, прикрывающая рвотное пятно (ср. «Обломов»: «валялась газета», «номер газеты был прошлогодний»), т.е. знакомый по классическому роману — «дух запустения и распада» (ср. «Обломов»: «вид кабинета <...> поражал господствующею в нем запущенностью и небрежностью») [1: 7; 2: 11].

Из русской классической литературы известно, что традиционный тип национального характера определяется едва ли не единственно душевной тоской, духовной

неудовлетворенностью, поисками смысла жизни (= идеала), устремленностью к гармонии внешнего и внутреннего мира. Что касается героя Гончарова, то его «вечность» и «русскость» в плане означенной традиции аксиоматична и доказательств не требует. Что же до героя Пьецуха, то он оказывается едва ли не прямым, т.е. намеренно заданным, «наследником» Обломова: пытаясь найти объяснения особенностям быта и поведения Аркаши, в частности говоря о выгороженном им в комнате матери «собственном закутке» [1: 6–7], повествователь высказывает предположение: «Видимо, его существу недоставало собственного ограниченного пространства, которое навредило бы полную гармонию между внутренним и наружным» (выд. мною. — О. Б.).

Доказательством неслучайности употребления Пьецухом слова гармония становится имя главного героя. В то время как речь идет о национальном типе, по существу о современном варианте русского национального характера, Пьецух избирает не какое-либо простонародное, традиционное имя Иван или Василий (как, например, фамилия участкового уполномоченного в рассказе — Иванов), а нерусское имя Аркадий [3: 61]. Именно имя Аркадий важно писателю для акцентирования ассоциативной связи с Аркадией — пасторальной идилической страной, связанной с предствлениями о счастье, покое, простоте нравов, любви, гармонии. Аркадия являет собой инвариант гончаровской Обломовки, а ее (их) отблески обнаруживают себя в душевном состоянии Ильи Обломова и (отчасти) Аркаши Белобородова. «<...> гармония с ограниченным пространством усилилась компонентом абсолютного одиночества», «Аркаша просыпался, когда просыпался, часа два-три проводил в состоянии неги, чутко прислушиваясь то к таинственным шорохам, то к гаммам, которые разыгрывал мальчик с четвертого этажа» [1: 7–8].

Связь образов на интертекстуальном уровне предполагает родство героев различных эпох, в ряду которых может оказаться и фольклорный Илья Муромец, и «около-обломовский» Аркадий (Кирсанов) из «Отцов и детей», усиливая «вечную» компоненту данного литературного (и национального) типа. Однако, напомним, у Пьецуха данный тип героя обозначен как «вечный негодяй», как «самая вредная негодяйская категория» [1: 4]. На сюжетном уровне определение «негодяй» дает персонажу уже упоминавшийся участковый уполномоченный Иванов: «Негодяй ты, вот ты кто! — говорил Иванов и начинал надевать фуражку» [1: 9]. Однако какой смысл вкладывает писатель в подобное определение?

Для «уточнения» дефиниции следует заглянуть в словари. Словарь В. И. Даля не имеет самостоятельной статьи на вокабулу «негодяй», истолкование данного понятия дается внутри словарной статьи «негодный» с выделенным антонимом «годный»: «Негодяй — дурной, негодный человек, дурного поведения, нравственности, мерзавец» [4: 509]. Большой толковый словарь русского (современного) языка дает: «Негодяй — подлый, низкий человек» [5: 617]. Словарь синонимов русского языка: «Негодяй, подлец, мерзавец», с комментарием: «Низкий, бесчестный человек. Эти слова выражают резкую отрицательную оценку <...>» [6: 630]. Очевидно, что «резкая отрицательная оценка» не соответствует тому «вечному» литературному типу, о котором идет речь в рассказе Пьецуха и который выстроился в результате интертекстуальных связей (Илья Муромец — Илья Обломов — Аркаша Кирсанов).

Действительно, самым простым доказательством «резкой-не-отрицательности» героя Пьецуха может служить, например, его реплика об американцах: «Слышь, мать, — говорит он, не вынимая мизинца из носа, отчего в его голосе прорезывается

галльская интонация. — Сейчас передавали, что в Америке тридцать восемь градусов ниже нуля. Небось теплоцентральный вся полопалась, с электроэнергией, к чертовой матери, перебои... Жалко американцев, по-человечески жалко!» [1: 6]. Нелепое и комичное по сути замечание героя обращает на себя внимание, во-первых, потому что герой «взял моду молчать» («молчит и молчит, как воды в рот набрал»), а здесь его вдруг «прорвало», во-вторых же, потому, что при полном видимом равнодушии к близким, отчетливо прорисованном в рассказе, герой неожиданно обнаружил жалость к чужим и далеким американцам. Реплика «жалко <...> по-человечески жалко» едва ли может быть отнесена только на счет комического эффекта, к которому склонен Пьецух, ее «экссклюзивность» в тексте подчеркивает ее неслучайный характер, свидетельствует о стремлении автора подчеркнуть «аркадское» простодушие, наивность и доброту, т.е. «не-отрицательность» персонажа (и типа). И тогда к герою Пьецуха применимы толкования «негодяя» не как «мерзавца» и «подлеца», а именно как «не годного» к чему-то человека.

Подтверждением данного толкования становится приведенный в финале рассказа (уточним: в одном из финалов, т.к. по существу их в рассказе два) диалог автора-повествователя с «приятелем, читателем-мудрецом» [1: 9], который не согласился с определением Аркадия как негодяя и предложил изменить название рассказа. Любопытно, что в приведенном телефонном диалоге дважды звучит именно слово «не годится», а заменой категории «негодяй» становится «несчастный человек» [1: 9]. «Негодность» героя приравнивается к «несчастью», хотя автор-повествователь намеренно декларативно не соглашается с этим.

Возникает вопрос: к чему же не пригоден Аркаша Белобородов? Ответом может послужить все та же (уже намеченная) параллель образа Аркаши с образом Обломова. Образ Обломова становится знаковым для русской литературы второй половины XX века, асоциальность и пассивность героя Гончарова оказываются созвучны времени «не-героев» (например, «деревенской» прозы), периоду формирования философии постмодерна (например, прозе андеграунда). Неслучайно именно образ Обломова задает константы характера одного из первых «постмодернистских» героев современной литературы — Левы Одоевцева в романе А. Битова «Пушкинский дом». Непригодность Обломова к новым тенденциям социальной жизни середины XIX века становится у Пьецуха своеобразным пояснением «негодности» Аркаши, его неадаптированности к условиям жизни середины XX века.

Однако идея образа-типа «вечного негодяя» («обломовщины») оказалась не реализованной в рассказе Пьецуха в полной мере, образ современного Обломова-Аркаши лишен возможного философского наполнения, личностной компоненты. Подтвердить данное заключение можно, обратив внимание на два композиционных кольца, которые формируют рассказ современного прозаика.

Одно из композиционных колец («внутреннее») организовано непосредственным сюжетом рассказа, т.е. фабульной линией жизни Аркаши Белобородова, которая прорисовывается от момента рождения героя («он родился...») вплоть до момента его смерти («он умер...»). Стилистически «внутренний» сюжет ограничен речевой рамкой, созданной фразой (фразами) «Вообще хотелось бы созорничать...» [1: 5, 9]¹. В сфере этого

¹ Ощущение кольцевого обрамления в данном случае возникает не только из повтора одной и той же фразы, но и из повторения конструкций самих фраз, к тому же в обоих случаях замкнутых имена-

сюжетного «внутреннего» кольца Пьецух закладывает идею неприятия (невозможности приятия) героем социального кодекса современной жизни, именно поэтому им задаются точные «государственные» координаты места и времени (1954–1981, Москва, улица Матросская тишина), именно поэтому герой на короткое время оказывается приписанным к «поколению сторожей и дворников», именно потому вводится мотив тунейства, за которое герой оказывается в заключении (вспомним, например, «тунейдца» Иосифа Бродского)², именно поэтому герой рано уходит из жизни («когда его сын еще путем не умел ходить»). В малой степени соответствующие сути характера выпяченного Пьецухом героя, эти обстоятельства тем не менее явно моделируют тип поведения (существования) целого поколения людей в советском государстве в 1950–80-е годы.

Однако (в противовес герою Пьецуха) герои (и реальные лица) поколения «сторожей и дворников» прежде всего представляли творческий андеграунд 1950–70-х годов, где социальная индифферентность, общественная пассивность, склонность к пьянству были свидетельством не отсутствия, а именно наличия индивидуального (как правило, оппозиционного) личностного начала, которого лишен герой Пьецуха. Внутренняя художественная суть образа Аркаши «не складывается» в характер и сводится к первобытному существованию весьма примитивного героя («придурковатое <...> существо», «а уж если что и скажет, то такую глупость, что уши вянут» [1: 5]). Автору не удается надеть героя не только «серьезностью мысли» [1: 5], но и просто обаянием личности. Пассивность и асоциальность героя Пьецуха не носят принципиального характера, но проистекают из собственной малости и мелкости персонажа. Аркаша у Пьецуха получился не просто обыкновенным человеком, типичным, как намеревался создать его автор, а типом «обыкновенного обывателя». «Заниженность» образа нарушает логику характера выпячиваемого типа.

Однако в рассказе возникает и второе композиционное кольцо, которое рождается из обобщающе-типизирующего (в начале и в конце рассказа) рассуждения о негодях. Если вначале речь шла о различных типах негодяев [1: 4], то в финале рассказа автор всех людей причисляет к негодьям: «Действительно <...> вокруг нас еще столько недоразумений, что чуть ли не на каждом шагу приходится делать гадости: если вы не воруете, то отлыниваете от работы, если не отлыниваете от работы, то обманываете жену, если не обманываете жену, то дезориентируете детей, лжете начальству, потакаете дуракам, пособничаете спекулянтам, третируете идеалистов, вообще что-то не пресекаете, чему-то не протягиваете руки...» [1: 11]). И включает себя в характерологию выведенного типа: «Уж на что, кажется, я порядочный человек, и то в некотором роде все-таки негодяй. Правда, если вдматся, при сложившихся обстоятельствах (! — О. Б.) это не так уж и страшно, и даже, я бы сказал, весело, озорно, потому что выйдешь на улицу, а кругом одни негодяи...» [1: 11]). Т.о. «второй» сюжет рассказа («внешнее кольцо») должен обобщить конкретно-современный тип негодяя Аркаши (и К⁹), по сути — довести его до уровня «вечности».

ми русских писателей — Толстого и Бунина. Интертекстуальный контекст, означенный именами Толстого, Бунина (позже и Гоголя), работает на «вечную» составляющую образа Аркаши.

² Косвенным и, конечно, очень отдаленным намеком на эту ассоциацию можно считать «нечаянно проклюнувшееся» в Аркаше «каллиграфическое дарование», страсть к красивым письмам [1: 7].

Однако и во втором «кольце» Аркаша у Пьецуха — и не пастушок из Аркадии, наивный и добрый, и не Обломов, способный глубоко чувствовать, и даже не Чичиков Гоголя, но «негодяй» = «не-годный» ни к чему тип, который автором искусственно «приподнимается» до «вечности». Пьецух попытался создать «знаковый тип» героя, но не сумел избранную форму наполнить ценностным содержанием — цельного характера не получилось, смысловой концепции образа не сложилось. Однако стремление писателя квалифицировать тип асоциальной личности в условиях советского государства само по себе интересно и могло быть плодотворным.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Пьецух В. Предсказание будущего: Рассказы. Повести. Роман. — М., 1989. — С. 4–11.
2. Гончаров И. Обломов. — М.: Художественная литература, 1982. — 478 с.
3. Тихонов А., Бояринова Л., Рыжкова А. Словарь русских личных имен. — М.: Школа-пресс, 1995. — 736 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М.: Терра, 1999. — Т. 2. И–О. — 2030 стб.
5. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 1998. — 1536 с.
6. Словарь синонимов русского языка / ИЛИ РАН / под ред. А. П. Евгеньевой. — М.: Русский язык, 2001. — 568 с.

Богданова О.В., доктор філологічних наук, професор, провідний науковий співробітник Інститут філологічних досліджень (ІФД) СПбДУ, Санкт-Петербург, Росія

СУЧАСНИЙ ОБЛОМОВ? РОЗПОВІДЬ В'ЯЧ. П'ЄЦУХА «ЖИТТЯ НЕГІДНИКА»

У статті аналізується образ головного героя оповідання В'яч. П'єцуха «Життя негідника» і встановлюються інтертекстуальні зв'язки з творами російської класичної літератури, зокрема з романом І. О. Гончарова «Обломов». Автор статті виявляє основну спрямованість ідеї оповідання, встановлює точки дотику образу головного героя з персонажами російської класики, підкреслює особливості гоголівського листа прозаїка. Автор дослідження виявляє прагнення сучасного письменника літературно ідентифікувати тип асоціального і пасивного героя (особистості) другої половини ХХ століття і вписати образ «негероя» в традицію художніх типів від Л. Толстого до Буніна.

Ключові слова: сучасна російська література, іронічний авангард, В'яч. П'єцух, коротка розповідь.

Bogdanova O.V., doctor of Philology, professor
Saint-Petersburg, Russia

MODERN OBLOMOV? THE STORY «LIFE OF SCOUNDREL» BY V. PYETSUKH

The article analyzes the image of the main character of the story V. Pyetsukh "Life of scoundrel" and establishes intertextual relations with the works of Russian classical literature, particularly the novel of I. A. Goncharov's "Oblomov". The article reveals the main idea of the

story, sets out the points of contact of the main character with the characters of Russian classic literature, highlights the features of Gogol's writing. The author of the article reveals the desire of contemporary writer to identify the type of antisocial and passive character (personality) of the second half of the twentieth century. The author seeks to inscribe the image of "non-hero" in the tradition of the artistic types from L. Tolstoy to Bunin.

Key words: contemporary Russian literature, ironic avant-garde, V. Pyetsukh, short story

УДК 811.161.31-3-08

Хоминич Г.И., Киев

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ПОНЯТИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СФЕРЫ В ТЕКСТАХ НЕАНТРОПНОГО ХАРАКТЕРА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА И. БУНИНА «ГОСПОДИН ИЗ САН-ФРАНЦИСКО» И ТЕКСТОВ Ф. НИЦШЕ)

В статье рассматриваются наименования человека по признаку его интеллекта в текстах-метафорах неантропного характера.

Ключевые слова: метафоризация, тексты неантропного характера, «Вехи», И. Бунин, Ф. Ницше.

В 1909 году в России вышел в свет сборник «Вехи». Авторы статей, опубликованных в сборнике, выступили с критикой мировоззрения русского освободительного движения. Согласно веховцам, русская интеллигенция не любит богатства, не ценит богатства духовного, культуры. Для неё характерно обоготворение материального благополучия, стремление превратить всех людей в рабочих и править миром. Авторы «Вех» предлагали интеллигенции покаяться, признать буржуазную науку именно настоящей, объективной наукой [1, 34] и идти на выучку к капитализму. Для усиления эмоционального воздействия на читателя веховцы использовали термины понятийных структур философии Ф. Ницше.

Полемизируя с авторами «Вех», И. А. Бунин также обращается к творчеству Ницше. Центральная тема новеллы Бунина «Господин из Сан-Франциско» – *духовное обезличение* [2, 116] человека в буржуазном обществе. В тексте Бунина происходит трансформация образов, представленных в произведениях немецкого философа.

Эпиграф к новелле «Господин из Сан-Франциско» – *Горе тебе, Вавилон, город крепкий А п о к а л и п с и с* [3, 117] – указывает на связь новеллы с библейским текстом, а также с текстом Ф. Ницше «Так говорил Заратустра».

Согласно Писанию, потомки сынов Ноевых решили построить в Вавилонии город и башню, высотой до небес и сделать себе имя [Быт 11, 4] – добиться известности, прославиться. Но Бог смешал их язык, чтобы они не понимали друг друга [Быт 11, 7-8], и они не смогли закончить строительство.

Горе тебе, Вавилон, город крепкий! – сказано в Откровении [Откр 18, 10].

Горе этому большому городу.

Так говорил Заратустра [4, 168].